

джин, 175 мл – самогон, 1,3 л – пиво. Итого 26,5 % молодежи, или 2 млн 905 тыс. человек, злоупотребляют спиртными напитками или просто больны алкоголизмом.

Средний возраст впервые принявших наркотики в 1991 г. был 17,6 лет, в 2004 г. – 11,3 года, при этом юноши впервые употребляют наркотики на полгода раньше девушек. Ни разу не пробовали наркотик среди девушек, более 60 %, а среди юношей, менее 50 %, количество впервые попробовавших увеличивается в 15-летнем возрасте, а количество наркозависимых, – в 16-летнем.

7,9 % молодых людей употребляют наркотики, как минимум, через день, 14,3 % – не реже раза в две недели, 22,5 % принимали наркотик 1–3 раза, 55,3 % не пробовали. Больше всего наркоманов среди работающей молодежи – 10,5 %, в составе учащейся молодежи – 4,2 %.

Можно констатировать явный рост преступлений совершенных молодежью на почве наркозависимости.

Таким образом, можно утверждать, что в целом девиация молодежи на протяжении более чем 20 лет с момента распада СССР росла в геометрической прогрессии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ли В. А., Ли К. В.** Наркотики. Трагедия для родителей, беда для общества: Краткая грамматика профилактики подростковой наркомании. – М. : Информэлектро, 2001. – 152 с.
2. **Неверов В. Н.** Психофизиологическая адаптация и профилактика наркозависимости у студентов. – М. : Инфра-М, 2001. – 159 с.
3. **Российский** статистический ежегодник : сб. ст. / Росстат. – М., 2004. – 725 с.
4. **Молодежный** ресурс инновационного развития России. – [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.fadm.gov.ru/agency/reports/733>
5. **Общероссийское** исследование «Девиация подростков и молодежи: алкоголизм, проституция, наркомания» / Центр социологических исследований Министерства образования РФ. – М., 2004. – [Электронный ресурс]. – URL : <http://demoscope.ru/weekly/2002/091/tema01.php>
6. **Заболееваемость** населения России наркоманией и токсикоманией (на 100 тысяч населения): Росс. стат. ежегод. – М., 2002. – [Электронный ресурс]. – URL : <http://demoscope.ru/weekly/2012/0503/barom04.php>

Принята редакцией: 10.07.2012

УДК 14 + 16 + 37.0

ФИЛОСОФСКО-ИРРАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В. В МИРОВОЗРЕНЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

И. В. Борисов (Новосибирск)

Статья посвящена критическому анализу философско-мировоззренческих оснований творчества Ф. Достоевского и Л. Толстого. Целью анализа является разработка возможностей парадигмального анализа, по-

звolyющегo рассматривать философские идеи в их единстве с художественным, мировоззренческим и идеологическим контекстом эпохи. Автор, обращаясь к работе известного русского писателя В. В. Вересаева «Живая жизнь», показывает, что последняя представляет собой целостную реализацию неклассической антимета-физической онтологии. Одновременно в ней ставится вопрос о связи между указанной онтологией и мироотношенческими диспозициями этих писателей. Эти и другие особенности работы позволяют, по мнению автора, рассматривать ее в качестве возможной пропедевтики в историю философской мысли конца XIX – начала XX в.

Ключевые слова: онтология самоопределения личности, парадигмальная характеристика философского иррационализма, доктринальное сознание.

THE PHILOSOPHICAL-IRRATIONALISTIC THOUGHT OF THE END OF XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY IN THE WORLD OUTLOOK PARADIGM

I. V. Borisov (Novosibirsk)

The article is devoted to the critical analysis of the philosophical and world outlook foundations of the creative works of Dostoevsky and Tolstoy. The purpose of the analysis is the development of possibilities of the paradigmatic analysis, allowing considering the philosophical ideas in their unity with the artistic, philosophical, and ideological context of the epoch. The author, turning to the “Living Life” work by the known Russian writer V. V. Veresaev, shows that the latter represents an integral realization of the non-classical anti-metaphysical ontology. At the same time, it brings attention to the question about the connection between the ontology and the world outlook dispositions of the considered writers. These and other features of work allow, according to the author, to consider it as a possible introduction into the history of philosophical thought of the end of XIX – the beginning of the XX century.

Key words: ontology of personal self-determination, paradigmatic characteristic of philosophical irrationalism, doctrinal mind.

В наши дни все более актуальной становится проблема развития парадигмального подхода к анализу философских идей в их единстве с мировоззренческим и идеологическим содержанием рассматриваемой эпохи. Помимо того, что такой подход дает возможность представить целостную и комплексную социокультурную характеристику философской мысли, он имеет и большую практическую значимость в сфере преподавания философии и гуманитарных дисциплин, особенно учитывая, что формирование мировоззрения является важнейшей воспитательной задачей в сту-

© Борисов И. В., 2012

Борисов Игорь Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии философского факультета, Новосибирский государственный университет.

E-mail: igbor@ngs.ru

денческом возрасте и что философская проблематика видится студенчеством преимущественно через мировоззренческую призму [1, с. 239–246].

В рамках данной проблемы большой интерес представляет работа В. В. Вересаева «Живая жизнь», посвященная классикам русской литературы Ф. М. Достоевскому и Л. Н. Толстому и позволяющая рассмотреть их идеи в сложном интеллектуальном контексте эпохи начала прошлого века. Немаловажным поводом обращения к этой работе является и то, что она представляет собой своеобразную «выжимку» из школьного материала и дает возможность напрямую связать вузовское преподавание со школьными знаниями студентов.

Особенности произведения В. В. Вересаева «Живая жизнь»

Первой особенностью работы, значимой для нас, является ее специфическая двойственность. С одной стороны, «Живая жизнь» имеет полемически ангажированный и даже, можно сказать, «партийный» характер. Ее критика нацелена против тех «веховских» настроений, что возобладали у части российской интеллигенции после поражения революции 1905–1907 гг., и она проводится с позиции крупного общественного движения, проблематика и чаяния которого связаны с активным изменением жизненного устройства. То есть это критика если и не «со стороны», то в любом случае – «по-крупному», а значит, фиксирующая базовые моменты рассматриваемого духовного явления (в том числе те, которые изнутри последнего могут быть и не видны).

С другой стороны, «Живая жизнь» содержит не просто отрицание умонастроений определенных кругов интеллигенции. Она представляет собой альтернативу этим настроениям. То есть это вполне аутентичная критика, которая предполагает значительную общность оснований с критикуемой позицией. Выступая против декадентских и «веховских» настроений, Вересаев разделяет принципиальные установки современного «модернистского» сознания, а именно: нацеленность на проблематику посягательства на самоопределение человека в мире, интерес к сложности, уникальности и ответственности такого самоопределения.

Второй важной особенностью работы является то, что предметом анализа и критики В. В. Вересаева являются не отдельные идеи и образы авторов сами по себе, а мироощущение авторов, взятое в целом. Вересаев рассматривает мировоззренческие позиции, представленные в их жизненной реализации. Собственно, как пишут Е. С. Сеницын и О. Е. Сеницына, взаимосвязь и структура жизненных «диспозиций» авторов и героев и определяют содержательный каркас работы Вересаева и ее строение [6, с. 87–97].

И третья особенность работы – то, что этот каркас одет в богатейший и доходчивый иллюстративный материал (В. М. Нольде насчитал 507 прямых и скрытых цитат из произведений Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого [3, с. 109]), сам по себе обладающий большой выразительной силой.

В силу всего этого работа «Живая жизнь» представляется нам идеальным введением как в традицию современной буржуазной иррационалистической мысли конца XIX – начала XX в., так и связанного с ней модернистского сознания эпохи.

«Человек-в-мире»: неклассическая онтология в модернистской трактовке
Итак, суть работы Вересаева может быть охарактеризована как критика Достоевского и частично Толстого с позиции *активизма*, интерпретированного в ключе современного ему иррационализма, – преимущественно на языке Ф. Ницше.

О пропедевтике каких базовых установок этого современного Вересаеву интеллектуального течения мы можем говорить? Мы сформулируем их здесь в наиболее общем виде:

– это антиметафизическая установка, антитеза предшествующей классической традиции внеисторического и надисторического рассмотрения человека, антитеза рассудочному морализму в нравственном поведении и натурализму в познании;

– человек рассматривается как включенный в мир, в его имманентных «отношениях-в-мире», как активно определяющийся в этих отношениях субъект.

Ключевое значение при этом имеет категориальная характеристика «отношения».

Отношение в этом бытийном контексте является: а) живой, конкретной осознанной связью и включением ее – в сознании – в другие связи; б) отношением как деятельной универсализацией связей, тотальностью, действительностью (или в некоторых трактовках – подлинным бытием); в) универсализацией связей и отношений в самосознании (в «я»), что сообщает самосознанию и рефлексии особый бытийный (детерминирующий, творческий) статус.

Иррационалистическая неклассическая трактовка отношения подразумевает – это важно отметить – в качестве субъекта отдельного автономного (в кантовском смысле) индивида. Учитывая это базовое парадигмальное обстоятельство, мы могли бы конкретизировать континуум отношения следующим образом (в терминах Ф. Ницше). На «внешнем» полюсе оно раскрывается как действие и поступок [3, с. 85], далее – как аффекты, страсти и желания [3, с. 167–168; 4, с. 26], непосредственно реализующиеся в поступках; далее – как ценности и смысл [4, с. 82–83], сообщающие универсальность, целостность, перспективу и уникальность отношению (и этой самобытностью и «субъективностью» отличающиеся от заданных норм морали); и, наконец, как самосознающее «я» и «тонкость умственной совести» [3, с. 238], которая в своей «честности» и «ответственности» осуществляет «переоценку ценностей», «оседлывает аффекты» и открывает простор «воле» [3, с. 234, 248, 317].

В конечном итоге в качестве отношения мы получаем сложное разнородное образование, в котором центральное положение отчетливо занимает «совесть» (самосознание, «философствование»), но с той оговоркой, что героем этого философствования является не академический догматик-специалист, а особая фигура «нового философа», уникальной живой личности, в которой в синкретическом единстве существуют и поступки, страсти искушения, и мировоззренческие установки, и их мужественное осознание «свободным умом» философа [3, с. 188–191].

Проблематизация неклассической онтологии: что значит «быть в мире»?

В рамках этой статьи мы выделим в «Живой жизни» два проблемных блока, которые интересны с философско-мировоззренческой и дидактической стороны.

Первый касается проблемы полноты, витальности человеческих отношений в мире, которая получает рассмотрение на примере произведений Л. Н. Толстого. Жизненная сила, реализующаяся в богатстве своих проявлений и связей с миром, выступает как главное требование при самореализации человека и как условие его цельности, страсти, подлинности и честности перед самим собой; притом как условие, которое реализуется до всякой морали и всякого разума. Подчеркивая бытийную первичность этого условия, Вересаев намеренно – и вполне в русле модернистской традиции – отмечает его имморальный характер, вплоть до того, что носителями жизненной силы и полноты то и дело оказываются герои «отрицательные», и наоборот, положительные и даже любимые персонажи Л. Н. Толстого демонстрируют абстрактность, мертвенность отношений к миру, пассивность и фальшь существования.

Примеры, используемые Вересаевым, позволяют выделить несколько последовательных уровней проблемы.

В самом общем виде эта проблема раскрывается как проблема имманентности. В главе «Две бесконечности», посвященной Пьеру Безухову и Андрею Болконскому, Вересаев сталкивает два способа видения бесконечности мира. Пьер после пленения радостно открывает «вокруг себя вечно изменяющуюся, вечно великую, непостижимую и бесконечную жизнь» (цит. по: [2, с. 166]). Он видит себя частицей огромного целого, органически связанной с ним бесчисленными узами. Бесконечность князя Андрея – это «трансценденция», инстанция, находящаяся «далеко от живой жизни, в холодных и пустых высотах», это бесконечность *sub specie aeterni*, которая обозначена ключевым для романа образом – образом неба над Аустерлицем: «Над ним не было ничего, кроме неба, – высокого неба, неясного, но все-таки неизмеримо высокого с тихо ползущими по нему серыми облаками... “Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, – подумал князь Андрей, – не так, как мы бежали, кричали и дрались; совсем не так ползут облака по этому высокому, бесконечному небу. Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! Все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме его. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения. И слава богу!...”» (цит. по: [2, с. 150]).

Студенты, особенно те, кто – в согласии с распространенной установкой – воспринимает инстанцию «вечного», «высокого» и «идеального» как нечто безусловно благое, бывают слегка шокированы выводом Вересаева, что эта идеальная бесконечность, с позиции которой «все ничтожно», скорее, есть нечто «плохое», что на самом деле это небо символизирует Смерть, живущую в душе князя Андрея, и свидетельствует если не об экзистенциальной ущербности, то о недостатке жизненных сил и цельности героя.

Конкретизацию и парадоксальный поворот проблема полноты жизни получает у Вересаева, когда он рассматривает особый вид персонажей Толстого – несостоявшихся людей, посвятивших себя «служению добру».

Это революционерка Мария Павловна («Воскресенье»), «красавица с бараньими глазами», весь интерес жизни которой состоял в «служении другим» (цит. по: [2, с. 73–74]). Это лишённая огня жизни Варенька («Анна Каренина») и Сонечка – «неимуший» и «пустоцвет», по характеристике Наташи Ростовской («Война и мир»). Все эти «служители добру» оказываются прямым отрицанием «живой жизни».

Восхищение жизненной силой (и презрение к тем, кто ее лишен), признание ее принципиальной важности в самореализации человека особенно ярко проявляется у Толстого и Вересаева, когда они избирают в качестве образцов этой силы и цельности людей злых, своевольных, аморальных. Показательны в этом отношении для Вересаева жестокий и при этом мудрый дядя Ерошка («Казачьи»), обаятельный шулер и бретер Долохов («Война и мир») и особенно граф Турбин-старший, ради своей страсти или прихоти способный на красивый поступок [2, с. 82–83].

В этом возвеличивании цельности, куража, самобытной органической связи с миром и особой честности перед самим собой Вересаев выражает базовый пафос и исходный принцип нового мировоззрения, связанного с модернистской традицией и иррационалистической философией. Если индивид есть средоточие бесконечных связей с миром и он активно реализуется и самоопределяется в этих связях, то сам кураж, цельность и полнота такой самореализации несет в себе свою правду, в то время как пассивность, отстраненность и «ненатуральность» говорят о неподлинности существования. Когда эти полнота и цельность присутствуют в герое вроде Долохова, они могут вступать в противоречия с духом и моралью. Но прежде для Вересаева важно показать бытийное значение «живой жизни» и те формы, которыми она обнаруживает себя. В этом принципиальное отличие его «логики» от Достоевского, у которого нет и намека на цельную и полную жизнь «в мире» и у которого огромное богатство переживаний, мыслей и чувств возникает в условиях фактического отсутствия этой жизни.

В этой связи интересным и до сих пор актуальным представляется другой проблемный блок, связанный с критикой Вересаевым Достоевского, особенно в плане проблематизации неклассической трактовки отношений человека в мире.

Еще раз отметим парадигмальный характер критики Вересаева. Если у Достоевского мировоззренческие позиции находят себе выражение преимущественно в философских идеях, в идейных столкновениях и переживаниях, то Вересаев, наоборот, рассматривает жизнь идей у Достоевского в контексте мироотношенческих позиций автора и его героев. Он оценивает их идеи не изнутри предлагаемого духовного выбора и диалога, а исходя из занимаемой ими «диспозиции», из того места, которое они определяют себе в жизни. Можно сказать, что для Вересаева вопросы и проблемы Достоевского предстают не как некие «данности», не как «вечные и проклятые» вопросы, а как определенный тип проблем, которые возникают в определенных типических обстоятельствах. Что это за обстоятельства? Первое – это крайняя отъединенность героев Достоевского от мира.

Существенно, что это не внешняя отстраненность от мира или позиция «над миром». Это одиночество человека посреди мира, это отрицатель-

ная реакция на само богатство мира (вплоть до характерного раздражения на красоту природы), это депривация и одичание, уход и «окукливание», которые становятся осознанной и «выстраданной» позицией. Человек сознательно прячется от мира в скорлупу одиночества, сумерек, петербургского дождя, ипохондрии и т. п.

При этом, говоря о крайней отъединенности героев Достоевского, Вересаев имеет в виду не только внутреннюю оппозицию миру. Он специально отмечает фактическую (эмпирическую) сторону этого отъединения: отсутствие друзей, товарищей, работы, радостей физической любви и т. д. [2, с. 7–8].

Итак, фактическая отчужденность от природы (за исключением ее наиболее сиротливых и «сумеречных» форм), фактическое отсутствие друзей и товарищей, любви между мужчинами и женщинами (за исключением сугубо духовной «сухой любви» или «нравственного сладострастия» издевательств над возлюбленным), отсутствие профессиональных и рабочих связей – и все это превращенное в позицию «выкидыша», в сознательное неприятие мира.

В органической связи с этим Вересаевым отмечается второе обстоятельство жизни героев Достоевского: проблема полноты жизни – которая у героев Толстого всегда решается в конкретной чувственной связи с другими людьми, природой, историческими процессами – у Достоевского превращается в абстрактную нудящую самоцель, ищущую своего осуществления любой ценой и наперекор всему. Проблема связи с миром, живого в нем участия превращается в вопрос реализации «самостоятельного хотения». Но «самостоятельное хотение» – и Вересаев фиксирует здесь очень важную черту такой установки – это, конечно, «что-то глубоко отъединенное от всего в мире, идущее исключительно в собственное я человека» [2, с. 15].

Таким образом, проблема полноты жизни (связи ее с миром) – в силу фактического обеднения и разрушения условий реализации этой полноты – превращается в абстрактную внутреннюю («философскую») проблему «смысла» и решается опять же внутренним «идейным» выбором героя, совершаемым перед самим собой.

Человеку надо узнать и «поскорее узнать», сможет он переступить «метафизическую» черту или нет, «тварь он дрожащая или право имеет». Но и «принципиальное решение вопроса», и желание идти до конца вовсе не ведут к реализации «хотения», и мы нисколько не должны, указывает Вересаев, ошибаться насчет действительной силы и цельности «страстей» героев. Коренящиеся в абстракциях «хотения», «права», «свободы», они сами глубоко рассудочны и раздвоены. «Какое-то глубокое, неслучайное бессилие разъедает у Достоевского всех людей, дерзающих проявить самостоятельное свое хотение, <...> в них все время происходит отчаянная, лихорадочная борьба судорожно-напряженной воли и внутреннего бессилия» [2, с. 17].

Значит, «самостоятельного хотения» нет в героях Достоевского и в помине. А что же есть? Есть то, что Вересаев называет «извлечением квадратного корня». И это третье обстоятельство, характеризующее «диспозицию» героев Достоевского: «никто не живет. Каждый превратил свою

живую душу в какую-то лабораторию, сосредоточенно ощупывает свои хотения, вымеривает их, сортирует, уродует, непрерывно ставит над ними самые замысловатые опыты, – и понятно, что непосредственная жизнь отлетает от истерзанных хотений» [2, с. 19–20].

Эта «лаборатория» есть законный результат «абстрагирования» и отвлечения от жизни. Она есть буквально – доктринальное *возмещение*, возвращение утраченной полноты связей с миром, доктринальное «производство» отношений к миру, при этом в сознательной оппозиции к реальному богатству и реальной сложности действительных отношений.

Мы рассмотрели три взаимосвязанных аспекта позиции человека в мире Достоевского, как они видятся Вересаеву: фактическое и сознательное «отвлечение» от мира приводит к поиску полноты жизни внутри отвлеченной и бессильной стихии «я»; затем происходит превращение этих поисков в интенсивный метафизический поиск «смысла». Вересаев находит яркую и емкую формулу, наиболее полно очерчивающую указанную «диспозицию»: «...в мрачной, безлюдной пустыне, именуемой Петербургом, в угрюмой комнате-скорлупе ютится бесконечно одинокий человек и в одиночку живет *напряженно-фантастическою, сосредоточенною в себе жизнью*» [2, с. 7].

«Сосредоточенность в себе» и «напряженно-фантастическая» внутренняя жизнь – то, что составляет самую суть и притягательность мира Достоевского, – по Вересаеву, есть обратная сторона и законный итог всей жизненной диспозиции, с ее фактической отъединенностью от мира, бедностью связей с ним. И особенности этой богатой внутренней жизни, в том числе с ее принципиальными «проклятыми» вопросами, следует видеть в свете этого обстоятельства.

В содержательно-мировоззренческом отношении работа Вересаева представляет собой страстное обоснование имманентного единства с миром, активной жизненной позиции и необходимости борьбы за лучшую жизнь, и с этой позиции – критику той автономной («эмансипированной» – в терминах «веховства») индивидуалистической духовности, которая получила признание в годы реакции после поражения Первой русской революции. В этом непосредственно-содержательном плане «Живая жизнь» до сих пор сохраняет свое прогрессивное звучание.

Но помимо этого, работа известного русского писателя представляет и историко-философский, и философско-дидактический интерес (что и является предметом данной статьи).

Во-первых, будучи выразителем новой неклассической философско-мировоззренческой проблематики человеческого самоопределения в мире, в значительной части примыкая к современному иррационалистическому (модернистскому) мироощущению, Вересаев проблематизирует базовое, исходное условие указанного самоопределения, а именно ставит вопрос о наличности и симптоматике действительной включенности человека в окружающий мир.

Во-вторых, исходя из этого вопроса, Вересаев проблематизирует связь философии с мировоззрением как более широким парадигмальным условием философской мысли и показывает, как специфика «философствования» органически связана с отношениями человека в мире.

И в-третьих, выделяя и различая эту мировоззренческую стихию, он делает по-своему уникальную попытку найти адекватный, аутентичный подход к этой мировоззренческой материи. При этом он уходит как от абстрактного теоретизирования на тему мировоззрения (в духе догматического марксизма), так и от доктринального его «производства», а предлагает метод кристаллизации и структурирования той жизненной диспозиции, что содержится в самих рассматриваемых источниках, путем «внесения ее в действительность» и рассмотрения ее в более широком и сложном бытийном контексте.

Таким образом, рассмотренные особенности работы Вересаева позволяют видеть в ней не только памятник отечественной художественно-публицистической мысли начала прошлого века, но и важную попытку парадигмального философско-мировоззренческого синтеза сознания эпохи, попытку, сохраняющую актуальность и сегодня – как в рамках историко-философской, так и философско-образовательной проблематики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Борисов И. В.** Гуманизация философского образования и две парадигмы в современном философском процессе // *Философия образования*. – 2011. – № 3 (36). – С. 239–246.
2. **Вересаев В. В.** Живая жизнь: о Достоевском и Л. Толстом: Аполлон и Дионис (о Ницше). – М. : Политиздат, 1991. – 336 с.
3. **Ницше Ф.** По ту сторону добра и зла // *Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Избранные произведения*. – М. : Сирин, 1990. Кн. 2. – 416 с.
4. **Ницше Ф.** Так говорил Заратустра // *Ницше Ф. Сочинения : в 2 т.* – М. : Мысль, 1996. Т. 2 – 829 с.
5. **Нольде В. М.** Вересаев. Жизнь и творчество. – Тула : Приок. кн. изд-во, 1986. – 188 с.
6. **Синицына Е. С., Синицын О. Е.** Тайна творчества гениев. – Новосибирск : НГАХА, 2004. – 528 с.

Принята редакцией: 10.08.2012